

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Радиомолчание	7
Часть вторая. Белый шум	57
Часть третья. Резонанс	120
Часть четвёртая. Искажённый сигнал	186
Часть пятая. Модуляция	211
Часть шестая. Радиотень	280

Эфир радиостанции «УВБ-76» [ЛЕД-01-ГУЛ-05]

Частота: 4625 кГц.

Время передачи: 03:15.

СТЕНОГРАММА ТРАНСЛЯЦИИ:

//[Начало записи]

/Фоновый низкочастотный гул на грани слышимости. Монотонный, непрерывный. Длительность: 1 минута 16 секунд.

/Гул обрывается. Потрескивание помех или космического шума. Тишина. Длительность: 5 секунд.

//[ДИКТОР]

*Николай, Женя, Татьяна, Иван [НЖТИ];

*Николай, Женя, Татьяна, Иван [НЖТИ];

*Двадцать, Шесть, Семнадцать, Шесть, Восемнадцать, Тридцать [20-6-17-6-18-30];

*Татьяна, Елена, Николай, Елена, Харитон, Ольга, Дмитрий [Тенеход];

*Семён, Леонид, Елена, Дмитрий, Ольга, Василий, Иван, Цапля, Анна [Следовица];

*Борис, Елена, Зинаида, Роман, Еры, Борис, Ольга, Борис, Роман, Елена, Григорий [Безрыбобрег];

*Двадцать, Два-Девять. Девятнадцать, Тринадцать, Два-Девять, Два-Шесть, Десять, Два-Шесть, Тридцать [20-29. 19-13-29-26-10-26-30].

*/Щелчок. Звук статического разряда. Тестовый
гудок. Длительность: 10 секунд.
//[Конец записи]*

ШИФР:

Дежурный 0412: Возвращение тени. Путь повторный.
Гиблое место.

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ОБРАБОТКИ:

В сегменте 01:44:02 — 01:44:06 дежурным выявлено слабое голосовое наложение. Спектральный анализ выявил женский шёпот, не принадлежащий основному диктору. Расшифровка (вероятная): «вспомни дверь» или «в сон не верь». Внесено в журнал аномалий за номером 213-АГ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Радиомолчание

1

Слоистые темнотропические облака, напарываясь на вершины вытянувшихся вдоль трассы сосен, прижимали к истрескавшемуся сухому асфальту автобус. От этого казалось, что тот полз всё медленнее с каждой минутой, хотя, наоборот, только набирал скорость, покидая Сегежу.

Причина наблюдаемой иллюзии для Агаты пока оставалась неясна — то ли всему виной было однообразие пейзажа, то ли её собственное стремление оттянуть ещё недавно желанную, а теперь вызывающую лишь тревогу встречу.

Сцепившиеся ветвями деревья тем временем всё вертелись хороводом за окном. И чем больше за ними наблюдала Агата, тем отчётливее видела новые детали. Мелькали совсем древние, поросшие лишайником стволы. Их сменяли светящиеся рыжей корой полные сил деревья, прикрытые пушистым молодняком.

Сквозь приглушённую музыку с соседнего кресла донёсся нечёткий отзвук мужского голоса. Запоздало вынимая наушник, Агата повернулась к сидящему рядом с ней кудрявому парню в выцветшем худи с аниме-принтом. Выглядел он немного старше её — что-то около двадцати.

— В Петрозаводск? — повторил свой вопрос парень.

— Вроде как едет, — ответила Агата. — У водителя спросите, я раньше выхожу.

Вернуть наушник обратно она не успела.

— Ну так я и спрашиваю, где выходишь? — не отставал парень, посмеявшись ответу Агаты.

— В Медвежьегорске, — пояснила Агата.

— А в Сегеже живёшь? — с сомнением поинтересовался парень. — Не видел тебя раньше на этом рейсе.

— Больше не живу.

— Переезжаешь?

— Ага, в дурдом, — бросила Агата.

Парень рассмеялся, но она его не поддержала — вместо этого поспешила сунуть наушник, отворачиваясь к окну.

Сквозь местами подступающие к самой обочине деревья изредка проглядывалась сумрачная глубина леса, где в сизой дымке растворялась чернота валежника, а в прогалинах вспыхивали бесчисленные озёра с поросшими осокой плоскими берегами.

И снова сквозь музыку послышалось мычание со стороны. Поначалу Агата игнорировала его в надежде, что парень отстанет, но его болтливость оказалась сильнее её выдержки.

— Я музыку слушаю, вы что-то сказали? — спросила Агата, ставя трек на паузу.

— Дак до самого Петрозаводска ничего не изменится, — ответил парень. — Любуешься, будто никогда лес раньше не видела.

— Вам-то что? — хмыкнула Агата.

Парень пожал плечами.

— Дак я просто пообщаться хотел, — промычал он. — Дорога-то дальняя.

Пейзаж поменялся. Незначительно, но для Агаты карельские виды и впрямь стали как в новинку. Во всяком случае, то, что она видела в детстве, уже порядком позабылось.

По сторонам от дороги начали вздыматься ошетилившиеся ельником курганы древних ледниковых морен. Ели на массивных округлых холмах росли неказистые — приземистые, с толстыми корявыми лапами. При этом жались друг к другу они настолько плотно, что со стороны сливались в единую мохнатую массу. Точно огромный бульдозер сгрёб в кучи валуны, щебень и глину, не слишком-то пригодные для растений, но сделал это так давно, что деревья всё же смогли адаптироваться.

Глядя на белеющие в сетях корней камни, Агата ощущала необъяснимую смесь тревоги и восторга, пеной поднимающуюся откуда-то из глубины подсознания. Ей потребовалось немного времени, чтобы осознать причину своего беспокойства: утопающие в земле породы напоминали место, которое периодически снилось ей, наверное, с самой пропажи мамы.

— Ну и как, не забыла? — спросил парень.

— Что?! — излишне резко воскликнула Агата.

На мгновение ей почудилось, что о своих снах она размышляла вслух.

— Про напоминание не забыла? — пояснил он, кивая на её запястье, где между указательным и большим пальцами чернел небольшой крестик.

— А, это... — выдохнула Агата. — Такое не забудешь.

Привычным, незаметным для себя движением она опустила рукав толстовки поближе к костяшкам пальцев, закрывая напоминание. Агата не помнила, когда то появилось и для чего было нужно, но прекрасно знала: его не стереть. Ни мылом, ни растворителем, который

однажды удалось умыкнуть у рабочих во время ремонта учебных классов, даже ножом соскоблить не получится.

Вопросы об этом проклятом крестике её уже давно раздражать перестали, но приятными назвать она их всё же не могла — как раз по причине необъяснимости его возникновения. Скорее всего, это было тату. Вот только кому в голову пришло делать наколку ребёнку? Агата помнила крест на руке столько же, сколько и саму себя — лет с шести.

Мысли снова взяли разбег и точно с вышки нырнули в прошлое, но, как всегда, достичь дна им не удалось. Соппротивление подъёмной силы опять вернуло её в реальность, не позволив пробраться дальше маминого исчезновения. Она помнила, что та пропала, но когда именно — восстановить в памяти не могла.

— Что с тобой? — спросил парень, попытавшись прикоснуться к ладони Агаты.

— Просто оставьте меня в покое, — попросила она, отдёргивая руку. — У меня от разговоров голова разболелась.

Уткнувшись в телефон, она бездумно полистала домашние экраны в попытке отвлечься от неприятных размышлений, запустила пару приложений. В мессенджере среди немногочисленных контактов один оказался онлайн: Лилия Семёновна.

Агата открыла чат с ней и перечитала последнее сообщение.

«Агаточка! Прости что не успею вернуться к завтрашнему дню((Хотела лично сказать тебе «счастливой дороги» и пожелать успехов во взрослой жизни. А они тебя безусловно ждут — говорю это с полной уверенностью, у тебя всё получится!

И пожалуйста, не забывай, мой телефон для тебя всегда на связи. Не важно по какому вопросу — до-

кументы, тоска по нашему уютному внутреннему дворику или желание поделиться впечатлениями от первого самостоятельного рассвета. Я всегда выслушаю, подскажу или просто порадуюсь вместе с тобой. Береги себя. Обнимаю крепко!»

Агата так и не отправила ответ. Поначалу не знала, что сказать, а теперь думалось — уже и ни к чему. При этом рассказать Лилии Семёновне ей хотелось о многом, но преимущественно о том, что та и так уже слышала: о снах, о маме, об отце, о своих планах в самостоятельной жизни. Её мучило всё то же по кругу, и теперь, когда она оказалась на свободе, возникло неприятное предчувствие, что круг этот с каждой новой попыткой выбраться из него будет только расширяться. А ведь она даже ничего не начала делать.

Пальцы сами собой забегали по экранной клавиатуре, составляя ответ для Лилии Семёновны.

«Ничего страшного не переживайте там такая суматоха была...»

Агата стёрла всё и стала набирать заново.

«Всё хорошо, спасибо за тёплые слова. Лилия Семёновна, мне хочется...»

Она убрала «хочется», чтобы заменить на «трудно», а затем вовсе отказалась от обращения и написала «я боюсь».

Перечитав своё скудное послание, она его удалила и погасила экран. Прикрыв глаза, Агата откинулась на спинку. Глубокое продолжительное дыхание должно было успокоить, но не справлялось с этим. Расслабиться мешало признание самой себе в страхе действовать самостоятельно.

У неё был план, но не доставало стойкости. Она не представляла, сколько сил потребуется, чтобы во всём разобраться. И если уж она трусила даже на этапе

встречи с отцом, то что уж было говорить о дальнейших действиях? Всё выглядело просто в многолетних мечтаниях о цели, но, когда наконец появилась возможность отправиться к ней, уверенность в возможности её достижения исчезла.

Тайга по обе стороны трассы всё тянулась. После лесовозных дорог с разрытыми колеями и дорожных указателей к мелким населённым пунктам появились первые открытые скальные выходы. Отполированные ледником гранитные плиты кривыми серо-розовыми зубами с ржавыми подтёками торчали в стороны, а между ними теснились застрявшие валуны в моховых шубах.

2

Устало дребезжа крылышками, упитанная чёрная муха снова и снова с разгона клевала стекло. Щелчки ударов звучали достаточно громко, чтобы игнорировать их стало невозможно. Стоя в дверях, Агата то и дело отвлекалась на насекомое поверх плеча сидящего перед окном директора Медвежьегорского психоневрологического интерната Варвары Ивановны Мелгуевой.

— Да вы присаживайтесь, не стесняйтесь, — в очередной раз предложила Мелгуева.

Голос её с немного мужиковатой хрипотцой звучал отрешённо. Она была занята изучением бумаг, на которые глядела исподлобья поверх очков-лисичек, и короткие фразы Агате бросала только из привычки и приличия.

— Спасибо, — ответила та.

Садиться при этом она не стала: после автобуса распрямиться в полный рост для неё было настоящим

удовольствием. Ещё бы снять оттягивающий плечи рюкзак да кеды с перетянутыми в спешке шнурками сбросить — вообще бы наступило блаженство.

— Угу, — хмыкнула директор.

Муха с завидным упорством продолжала попытки убиться о стеклопакет. Стуки её крохотной головы повторялись практически с точностью метронома. Агата вновь покосилась на жужжащую чёрную точку, пляшущую на фоне прошитых лучами августовского солнца облаков над соснами. Директор же не обращала на неё внимания. Она отложила в сторону заранее присланное заявление и взялась за ксерокопии документов.

— Сумку-то хоть снимите, — проговорила она. — Вон на стул бросьте или на вешалку.

Вешалка действительно стояла рядом с Агатой. Она с облегчением спустила со спины рюкзак. Однако стоило его набросить на крючок, как вешалку тут же перекосило. Не позволив ей упасть, Агата поспешила переместить свои вещи на стоящий чуть в стороне стул.

Мелгуева тем временем устала в ксерокопию паспорта Агаты, а затем взглянула на неё сквозь линзы очков.

— Что-то не так? — насторожилась Агата. — Я всё по списку собирала...

— Да всё в порядке с бумажками, — отмахнулась директор.

— А что же тогда?

— Вот честно, Агата Борисовна, вам оно зачем? — понизив голос, спросила директор. — Вы молодая девочка, живите, радуйтесь, к чему лучшие годы гробить?

— Я так решила, — сказала Агата.

— Ну, запретить я вам ничего не могу, имеете право, — пожав плечами, продолжала рассуждать Мелгу-

ева. — Только на деле всё это не так просто, как кажется, ПНИ вам не какой-то профилакторий с электрофорезом и глинами, понимаете?

— Я решила, — стояла на своём Агата.

— Ну и дура! — шепнула Мелгуева. — Простите, ради бога, дело ваше.

Выровняв ударами об стол стопку документов, директор убрала их в органайзер.

— Мирослава, сопроводите Агату Борисовну к отцу в семнадцатую, — попросила она, наклонившись к переговорному устройству.

— Спасибо, — поблагодарила Агата.

— Угу, — опять отмахнулась Мелгуева. — Выбывной лист подпишете после, ещё передумаете. Ладно бы временно выписывались, но не бессрочно же!

— Я справлюсь.

— Сложный он, Агата Борисовна, сложнее, чем вы думаете, безнадёжный.

Дверь открылась. Агате пришлось пройти немного вглубь кабинета, чтобы выпустить Мирославу.

— Пойдёмте, — коротко пригласила та, едва заглянув внутрь.

Начальницу Мирослава даже не удостоила взглядом. Это было бесполезно — с самозабвенностью бьющейся в стекло мухи Мелгуева погрузилась в отложенные ранее какие-то чрезвычайно важные бумаги.

Психоневрологический интернат Медвежьегорска оказался на удивление уютным. Прямо до жути. Агата ожидала обшарпанных стен, провисших на петлях дверей и противно мерцающих под чумазым потолком ртутных ламп, но ничего этого в учреждении не обнаружилось. Напротив, здание выглядело настолько свежо, будто его специально отремонтировали к её приезду. Но именно это и настораживало.

Словно мокрый от блеска чистоты пол отражал безмятежные салатные стены настолько чётко, что в нём можно было разглядеть даже детали на изредка попадавшихся картинах — в основном это были карельские пейзажи.

— Это Шапошников, — не без гордости сказала шагающая рядом Мирослава. — Наш постоялец.

Агата задержалась возле телевизорной, в которой перед экраном на выстроенных в ряды креслах сидели жители ПНИ — причёсанные, опрятные, преимущественно со спокойными, сосредоточенными лицами. По телевизору показывали оперу. Звук настроили тихо, но зрителям это не мешало.

Находившийся здесь же персонал в выглаженных белых халатах двигался беззвучно. Кто-то поливал выстроившиеся на подоконниках излишне симметричные фикусы в кашпо, кто-то следил за постояльцами. Одна из медсестёр, сидевшая между ними, обернулась и улыбнулась Агате, точно приглашая присоединиться к ним.

И вдруг неожиданно для себя Агата подумала, что, если бы её действительно пригласили бы вслух, она, может быть, и осталась бы. Присутствовало в собранном безучастии здешних жильцов что-то притягательное, чего ни в прежней детдомовской, ни в предстоящей самостоятельной жизни Агата иметь не могла.

— Агата Борисовна, нам сюда, — поторопила её Мирослава.

Пройдя сквозь коридор к лестнице, они поднялись на второй этаж, где по обе стороны в шахматном порядке расположились двери в комнаты. Старательно вычесанный ковёр поглощал шаги, взамен источая едва уловимый запах воска для полов.

В кармане звякнул телефон. Пришло сообщение от Лилии Семёновны.

«Агаточка, я знаю, ты пыталась мне писать. Не стесняйся, что бы там ни было, мы же договаривались. Не копи в себе, если что-то тревожит — говори. Любую мелочь. Будет проще и точнее голосовыми. Выговаривайся, это важно, а я всегда на связи».

Задержав на секунду палец над выпускающим голубой холод дисплеем, Агата смахнула оповещение в сторону. Мирослава к тому моменту прошла вдоль левой стены практически до середины и без стука распахнула дверь, скрывшись за ней.

Агата помедлила. Она поняла: наступила последняя возможность бросить свою навязчивую идею, уехать отсюда подальше, забыть то небольшое, что ещё осталось в её голове, и отказаться от встречи с отцом, которого она едва помнила. А помнил ли он её? Какой он сейчас?

Пока кружащие вокруг мысли беспорядочно жалили её, Агата продолжала идти к открытой двери. Хотела ли она этого или нет, но это было нужно сделать. Ради мамы, ради неё самой.

Едва она заглянула внутрь, стало понятно, что её отца в комнате нет — только высохший, трясущийся старик, от которого, несмотря на чистую одежду, тянуло приторно-сладковатым потом. Она оглядела небольшое помещение с широким окном, тумбочкой и единственной кроватью, прежде чем осознала: этот старик и есть её отец. А ведь ему всего пятьдесят два.

— Папа? — с сомнением спросила она.

В её памяти о нём остались русые волосы, смуглая кожа, волевой подбородок под тонкими губами, но ничего этого она не увидела. Перед ней в инвалидном кресле у самого подоконника устало храпел седой немощный калека с ввалившимся ртом. Губы ему заменяли бесчисленные морщины, а некогда загорелая

кожа стала пепельной, покрытой пигментными пятнами. Она не узнавала его.

— Борис Афанасьевич, — позвала склонившаяся над ним Мирослава. — Борис Афанасьевич, смотрите, кто к вам пришёл!

Медленно, будто на это потребовались все оставшиеся у него силы, старик приоткрыл веки, и Агата почувствовала, что по её щекам готовы побежать слёзы. Это был он. Несмотря на возраст и общее состояние, глаза его оставались ясными и оказались полной копией её собственных — глубокого синего, почти ультрамаринового оттенка.

— Тут ваша дочь! — оповестила Мирослава.

Отец повернулся к Агате. По его подбородку потянулась густая слюна, повиснув над коленями. Мирослава поспешила убраться её салфеткой.

— Это я, Агата, — улыбнулась та.

Но он с её словами не был согласен. Мотнув головой, отец медленно набрал воздуха в грудь.

— Нет, — выдохнул он. — Это не ты.

Слёзы ещё сильнее рвались заструиться по лицу Агаты. Но она даже не предпринимала попытки их утереть — знала, что, как бы сильно те ни просились наружу, выйти не смогут. Плакала она лишь внутренне, и это не были слёзы обиды — скорее облегчения. Незвестность ушла, и отец действительно пребывал в таком плохом состоянии, как предупреждала Мелгуева. Вот только отказываться от него Агата не планировала.

— Я пришла за тобой, — сказала она, опускаясь рядом на колено. — Мы поедем домой.

Отец не сжал её ладонь в ответ. Его мозолистая и холодная кожа ощущалась почти неживой. Он безучастно отвернулся к окну. Солнечный свет ударил его по глазам, но даже не заставил поморщиться.

— Ну вот, опять связь потерял, — бросила под нос Мирослава.

— Чего? — не поняла Агата.

— Отец ваш себя забывает, — проговорила Мирослава. — Только этим его можно на время взбодрить.

Она потянулась к шкафу и взяла с него небольшой радиоприёмник на батарейках. Щёлкнула кнопка, зашипела пустая волна. Мирослава поворачивала колёсиком, добавляя громкости, и начала туда-сюда мотать стрелку по шкале частот, вызывая помехи.

Звук мгновенно вернул отцу осознанность. Он машинально прикрыл глаза рукой, вновь поворачиваясь к Агате. Только через мгновение она поняла, что он смотрел не на неё — на приёмник в руке стоящей рядом Мирославы. Та поспешила его выключить.

— Вы действительно собираетесь его забирать? — усомнилась она.

— Иначе я бы не приехала, — выдохнула Агата.

Поднявшись, она уверенно схватила кресло за ручки и развернула к выходу.

— Соберу его вещи и принесу вниз, — проговорила ей вслед Мирослава.

В коридоре её уже ждали два санитара. С кивком вместо приветствия они подхватили кресло за подлокотники и, легко подняв, понесли вниз по лестнице. Агате оставалось только поспевать за ними.

— Спасибо, — поблагодарила она.

Молчаливые санитары улыбнулись в ответ, но как-то нечётко, будто улыбок на рабочий день им выдали немного и расходовать их попусту на банальную вежливость они не видели смысла.

Вновь проходя мимо телевизиорной, Агата задержалась. Опера всё продолжалась, а зрители так же немонаблюдали за ней. Молчал и персонал. Осознание то-